

I
1972

1. Смена

Джори раздвигает шторы, за окном светает, и все затянуто серой пеленой. По радио играет смутно знакомая мелодия. Он слушает новости о девушке, которая пропала на автобусной остановке где-то к северу отсюда, и пьет черный чай из кружки. Должно быть, бедная мать вне себя от горя. Короткие волосы, короткая юбка, большие глаза — так он представляет себе эту девушку; она дрожит от холода на автобусной остановке, где должны были мокнуть под дождем другие люди, но никого нет, автобус подъезжает и отъезжает, некому заметить, что произошло, и только черные капли сверкают на тротуаре.

Море спокойное и гладкое, как стекло, — таким оно бывает после плохой погоды. Джори открывает окно, чтобы впустить свежий воздух — настолько плотный, что он кажется съедобным, его можно резать; он бьется о каменные дома, как кубик льда о стенки стакана. Ничто не сравнится с запахом моря даже близко: соленый, резкий, словно уксус из холодильника. Сегодня абсолютная тишина. Джори знает море шумным и тихим, волнующимся и зеркально-спокойным, море, когда в лодке чувствуешь себя последним человеком на зем-

ле, волна беснуется, и начинаешь верить в то, во что никогда не верил, — например, что море находится на полпути между адом и раем или что бы там ни было наверху и в глубине. Один рыбак сказал ему однажды, что у моря два лица. И ты должен принять оба, хорошее и плохое, и никогда не поворачиваться спиной ни к одному из них.

Сегодня, спустя много времени, море на их стороне. Сегодня они это сделают.

Ему решать — отправлять лодку к башне или нет. Даже если в девять часов дует попутный ветер, это не значит, что он сохранится в десять, а если в гавани волны поднимаются на четыре фута, у башни скорее всего будут все сорок. Что бы ни происходило у берега, на маяке все усиливается в десять раз.

Новому сменщику лет двадцать с небольшим, у него светлые волосы и очки с толстыми стеклами, из-за которых кажется, что глаза у него маленькие и бегающие; он напоминает Джори маленького зверька в клетке. Он стоит на пристани в вельветовых брюках, и в лучах солнца потрепанные края штанин кажутся темнее. Рано утром на побережье тихо, только кто-то выгуливает собаку и разгружают ящики с молоком. Между Рождеством и Новым годом жизнь на побережье замирает.

Джори и его команда подхватывают пожитки парня — красные трайденговские коробки с двухмесячным запасом одежды и продуктов, свежим мясом, фруктами, настоящим, а не порошковым молоком, газетой, упаковкой чая, сигаретами «Голден Вирджиния» — и упаковывают их в брезент, перевязывая веревкой. Смотрители будут довольны: последние четыре недели они сидели

на тушёнке и не читали ничего свежее передовицы Mail, которую привезла последняя смена.

На мелководе к бортам лодки присасываются хлюпающие водоросли. Парень в промокших кедах забирается внутрь и хватается за борта, как слепой. Под мышкой он держит пакет с вещами, перевязанный бечевкой, — книги, магнитофон, кассеты, все, что угодно, чтобы убить время. Скорее всего он студент. Сейчас в «Трайденте» много студентов. Будет сочинять музыку, не иначе. Сидеть в световой камере и думать, что это и есть жизнь. Им всем нужно занятие, особенно тем, кто сидит в башнях, — нельзя все время носиться вниз-вверх по лестнице. Джори знавал зрителя, искусного мастера, который собирал модели кораблей в бутылках; занимался этим дни напролет, и в результате получались шедевры. А потом они обзавелись телевизором, и этот зритель все выбросил — в буквальном смысле слова вышвырнул все свои инструменты в окно прямо в море и с тех пор каждую свободную минуту смотрел телевизор.

— Вы давно этим занимаетесь? — спросил юноша.

Джори сказал да, дольше, чем тот живет на свете.

Юноша продолжил:

— Я уж потерял надежду. Жду со вторника. Меня пустили пожить в какую-то берлогу в деревне, и это было очень мило, но не настолько мило, чтобы мне хотелось тут задержаться. Каждый день я смотрел вдаль и думал, когда же мы поедem? Все эти разговоры о чертовом шторме. Не знаю, как мы выживем, когда нас накроет на башне. Говорят, ты не видел бурю, если не видел ее с воды, и что ощущения такие, будто башня вот-вот рухнет и тебя унесет прочь.

Новички всегда хотят поболтать. Это нервы, думает Джори. Как переправа? Переменится ли ветер? Как вы-

саживаются на башню? Что за люди на маяке, как с ними сработаться? А главный смотритель? Но это еще не его маяк и, может, никогда не станет его. Временные смотрители приходят и уходят, то они на маяке, то на берегу, их носит по стране, словно перекасти-поле. Джори повидал их немало; сначала они хотят скорее приступить к работе и ждут романтики, а потом оказывается, что романтики-то и нет. Трое мужчин на маяке посреди моря. В этом нет ничего особенного, совершенно ничего, просто трое мужчин и много воды. Не каждый может вынести заточение. Одиночество. Изоляцию. Однообразие. На многие мили ничего, кроме моря, моря, еще раз моря. Ни друзей. Ни женщин. Просто еще двое мужчин, и так день за днем, и никакой возможности убраться от них. От этого можно совершенно сойти с ума.

Смену можно ждать много дней, даже недель. Как-то раз один смотритель проторчал без сменщика ровно четыре месяца.

— Ты привыкнешь к погоде, — говорит он молодому человеку. — Надеюсь. И не будешь так психовать, как бедолага, которого мы должны забрать на берег.

Его команда сидит на корме и уныло смотрит в море, парни тихо переговариваются и курят, сигареты мокнут во влажных пальцах. Готовая натура для суровой морской картины — широкими мазками, масляными красками.

— Чего мы ждем? — кричит один из них. — Прилива?

Вместе с ними едет инженер, который починит радио. Обычно в день смены они бы уже пять раз связались с маяком, но буря повредила электричество.

Джори накрывает последние коробки, заводит двигатель, и они отходят. Лодка качается и подпрыгивает на волнах, словно резиновая игрушка. На заросшей травой

скале галдит стая чаек; к берегу лениво приближается синий траловый бот. Чем дальше от берега, тем сильнее волна; зеленая вода вспенивается белыми гребнями. Вдали цвета темнеют, море становится темно-зеленым, а небо — зловеще-серым. Вода хлещет по носу лодки и бурлит. Джори мусолит самокрутку, она расплющилась в кармане, но курить можно; он смотрит на горизонт и дымит. Уши болят от холода. Над головой в бескрайнем сером небе кружит белая птица.

В туманной дымке он видит «Деву» — одинокий величавый пик. Она в пятнадцати морских милях отсюда. Он знает, что зрителям это нравится, они не хотят видеть берег со смотровой площадки, чтобы не вспоминать о доме.

Молодой человек сидит спиной к «Деве» — забавно, думает Джори, встречать спиной место, куда ты направляешься. Парня беспокоит порез на большом пальце. Лицо у него нездоровое, лицо новичка. Но каждый моряк должен найти свою опору.

— Ты уже бывал на башне, сынок?

— Я был на Тревосе. И потом на Святой Катерине. Но на маяке никогда. Нет, на маяке никогда.

— Для этого нужна смелость, — говорит Джори. — Надо ладить с людьми, не важно, какие они.

— О, я справлюсь.

— Конечно. Ваш ГС хороший мужик, это главное.

— А остальные?

— Им велено слушаться старшего. Но они все примерно твоего возраста, так что, не сомневаюсь, вы поладите.

— А как насчет него?

Джори улыбается при виде его обеспокоенного лица:

— Не надо тревожиться. Мало ли какие истории рассказывают, не все правда.

Под ними бушует и пенится черное море; ветер дует в спину, несется над водой, заставляя ее волноваться и бурлить. Перед носом лодки выстреливают брызги, качка усиливается. Когда Джори был ребенком и часто ходил на лодке от Лимингтона до Ярмута, он часто вглядывался в даль и восхищался, как море совершенно незаметно уносит тебя от берега, мель сменяется глубиной, земля исчезает, и, если упадешь за борт, под тобой окажется сотня футов. Там морские шуки и куньи акулы: диковинные раздутые мерцающие тела с мягкими любопытными щупальцами и холодными мутными глазами.

Маяк приближается, линия превращается в полоску, полоска в палец.

— Вот и она. «Дева».

Теперь они видят темные пятна у ее подножья, шрамы, нанесенные обезумевшим морем за десятилетия его власти. Хотя Джори делал это много раз, все равно приближение к королеве маяков всегда вызывает в нем особое чувство — незначительности, ничтожности, может быть, даже легкого испуга. Пятидесятиметровая колонна, образец героического инженерного искусства эпохи королевы Виктории, «Дева» бледным шпилем высится на фоне неба, стоический оплот безопасности моряков.

— Она была одной из первых, — говорит Джори. — Тысяча восемьсот девяносто третий год. Дважды обрушивалась, пока они наконец не зажгли фонарь. Говорят, что, когда погода портится, она издает звук, напоминающий плач женщины. Это ветер воет среди камней.

В серой дымке проступают детали: окна маяка, бетонное кольцо площадки, череда узких железных ступенек, ведущих к входной двери, — ее еще называют собачьей лестницей.

— Они нас видят?

— Сейчас увидят.

С этими словами Джори начинает высматривать тех, кого ожидал увидеть на площадке, — машущего им главного зрителя в синей форме и белой фуражке или его помощника. Они наблюдают за водой с рассвета.

Он с осторожностью рассматривает бурлящий котел у основания маяка, выбирая, как лучше причалить — носом или кормой, встать на якорь или нет. Ледяная вода плещет по затонувшим камням; когда море наступает, они скрываются из виду, а когда отходит, они выступают, словно черные блестящие зубы. Из всех маяков сложнее всего пристать к «Епископу», «Волку» и «Деве»; и если бы ему предложили выбрать, он сказал бы, что «Дева» опаснее всех. Моряки рассказывают легенды, что ее построили на зубах окаменелого морского чудовища. За время ее строительства погибли десятки людей, а риф убил множество сбившихся с пути моряков. Она не любит чужаков и людей вообще.

Он все ждет, пока появится кто-то из зрителей. Они не высадят этого парня, пока им не поможет кто-то с той стороны. С такой волной его может швырять вверх-вниз на десять футов за минуту, и если он не успеет, канат оборвется и парня ждет холодная ванна. Трудное дело, но таковы уж маяки. Для сухопутного человека море — штука постоянная, но Джори знает, что это не так: оно переменчиво и непредсказуемо, и если не будешь внимательным, тебе крышка.

— Где они?

Из-за шума волн он с трудом слышит крик помощника.

Джори подает знак, что им придется обойти башню вокруг. Парень зеленеет. Инженер тоже. Джори надо бы успокоить их, но он сам не вполне спокоен. Сколько лет он ходит к «Деве», но еще ни разу не причаливал к обратной стороне маяка.

Перед ними вздымается башня — чистый гранит. Джори наклоняет голову вбок, чтобы рассмотреть входную дверь в шестидесяти футах над водой — тяжелая бронза, явно заперта.

Его команда начинает кричать, они зовут хранителей, пронзительно свистят. Высокая и безмолвная, башня конусом уходит в небо, и небо в ответ смотрит на их крошечное суденышко, охваченное замешательством. И снова эта птица, та самая, которая над ними летала. Кружит, кружит, хочет что-то сказать, чего они не понимают. Парень наклоняется за борт и отдает морю свой завтрак.

Они взлетают на волнах и падают; они ждут и ждут.

Джори смотрит на башню, огромную, бросающую тень, и все, что он слышит, — это грохот волн, шлепки пены, чавканье воды, и все, о чем он может думать, — это исчезнувшая девушка, о которой говорили утром по радио, и автобусная остановка, пустая остановка, и непрекращающийся сильный дождь.

2. Странное происшествие на маяке

«Таймс», воскресенье, 31 декабря 1972

«Трайидент-Хаус» получил информацию об исчезновении троих смотрителей маяка «Дева» в пятнадцати милях от Лендс-Энда. Их имена — главный смотритель Артур Блэк, помощник смотрителя Уильям «Билл» Уокер и временный помощник Винсент Борн. Их пропажу вчера утром обнаружили местный моряк и его команда, прибывшие, чтобы доставить сменщика и забрать мистера Уокера на берег.

В настоящий момент нет никаких сведений о местонахождении пропавших и не было сделано никакого официального заявления. Начато расследование.

3. Девять этажей

Высадка занимает часы. Двенадцать человек взбираются по собачьей лестнице, чувствуя на губах вкус соли и страха, их уши мерзнут, руки исцарапаны и заледенели.

Они добираются до двери, но она заперта снаружи. Стальной засов, предназначенный для защиты от ударов волн и ураганного ветра, надо сломать силой мышц и ломом.

Потом у одного человека начнется лихорадка, плохая лихорадка, вызванная частично истощением и частично беспокойством, грызшим его с того момента, когда лодку Джори Мартина никто не встретил, с тех пор как «Трайидент-Хаус» сказал им: «Отправляйтесь туда».

В башню входят трое. Внутри темно и чувствуется несвежий запах, свойственный морским станциям с их наглухо закрытыми окнами. В кладовой темно: с трудом различимые очертания чего-то массивного, кольца каната, спасательный жилет, перевернутая моторная шлюпка. Все на месте.

В тени, как рыбы на крючках, висят штормовки смотрителей. Они кричат в дыру в потолке, и голоса эхом отдаются вверх по лестнице:

— Артур. Билл. Винсент. Винс, ты там? Билл?

Удивительно, как живые голоса разрезают тишину — густую, неприлично плотную. Люди не ждут ответа. «Трайидент» сказал им, что это поисково-спасательная операция, но они ищут тела. Все мысли о побеге смотрителей исчезли. Дверь была заперта. Они где-то здесь, внутри.

Привезите их без шума и скандала, сказал «Трайидент». Сделайте все аккуратно, Найдите неболтливую